

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ. (*)

1854 годъ былъ критическимъ годомъ для Кавказа. Теперь, когда это смутное время уже прошло и блистательный конецъ войны успокоилъ умы, трудно себя вообразить, въ какомъ положеніи находились тогда наши дѣла на Кавказѣ и какая опасность угрожала нашему владычеству въ этомъ краѣ. Очень понятно, что главное вниманіе публики было обращено на театръ войны нашей съ турками и съ другими вѣчными врагами; успѣхъ или неудача тамъ, казалось, должны были рѣшить все. Отчасти это было и справедливо; но большинство не знало и, можетъ быть, до сихъ поръ не подозрѣваетъ, какая опасность намъ угрожала, въ тылу нашихъ дѣйствующихъ отрядовъ, отъ внутреннихъ враговъ нашихъ. Старожилы кавказскіе знаютъ, какова была сила Шамиля послѣ 1840 года, какихъ усилій

(*) За сообщеніе этой, исполненной высокаго интереса, статьи редація считаетъ долгомъ благодарить генералъ-адъютанта Н. А. Огарева. Въ продолженіе трехмѣсячнаго пребыванія своего на Кавказѣ, онъ посѣтилъ большую часть Терской области и старался собрать на мѣстѣ, при посредствѣ самихъ дѣателей, точныя и подробныя свѣдѣнія о событіяхъ, предшествовавшихъ окончательному замиренію Кавказскаго края. Въ числѣ этихъ событій, бой при аулѣ *Истису* занимаетъ, безспорно, одно изъ блистательныхъ мѣстъ столько же по своему значенію, сколько и по истинно-геройскому мужеству нашихъ войскъ, разбившихъ наголову вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля. Подробности этого боя оставались до сихъ поръ почти неизвѣстными. Интересъ описанія чрезвычайно возвышается тѣмъ, что разсказъ принадлежитъ главному руководителю дѣла и виновнику побѣды, который, при скромности относительно себя, выражаетъ глубоковъ сочувствіе и признательность къ доблестнымъ сподвижникамъ своимъ, какъ начальствовавшимъ частями лицамъ, такъ и всѣмъ рядовымъ, и повсюду обнаруживаетъ строгую правдивость и безпристрастіе въ изложеніи фактовъ. Какую неисчислимую пользу пріобрѣла бы наша военная исторія, если бы и другіе дѣатели, подобно генералъ-адъютанту барону Николаю, обнаруговывали, посредствомъ печати, подробности событій, въ которыхъ принимали участіе! Одними краткими оцѣнками и реляціями исторіи довольствоваться не можетъ. Живенная сила исторіи — сказаніи современниковъ.

Ред.

стоило нашимъ войскамъ, послѣ потери внутренняго Дагестана и Чечни, удержать имама въ извѣстныхъ предѣлахъ, обозначенныхъ цѣпью нашихъ передовыхъ укрѣпленій, постовъ, сигнальныхъ башенъ и т. п. Несмотря на всю бдительность, почти ежегодно болѣе или менѣе сильныя отряды непріятельскіе прорывались чрезъ ненавистную имъ черту и распространяли страхъ между покорными намъ племенами, держали ихъ въ тревожномъ ожиданіи и такимъ образомъ поддерживали среди ихъ нравственное вліяніе имама Шамиля. Одного имени Хаджи-Мурата достаточно, чтобы напомнить то безпокойное время, когда начальники Дагестана, лѣваго фланга и лезгинской линіи, находились въ постоянно-тягостныхъ ожиданіяхъ, принуждены были зорко слѣдить за непріателемъ пзвнѣ и внутри.

Конечно, князь Воронцовъ, благодаря благоразумной и настойчивой системѣ, которую онъ ввелъ въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, умѣлъ мало по малу обложить враждебныя горы какъ бы желѣзнымъ обручемъ, значительно обуздавшимъ напоръ непріятеля. Постоянныя экспедиціи, особенно зимніе набѣги, отраженіе враждебныхъ партій съ большою для нихъ потерею во время вторженій въ наши предѣлы ослабили нѣсколько силы горцевъ, подобно постоянному кровопусканію, лишили ихъ многихъ лучшихъ начальниковъ и отборнѣйшихъ людей. Блистательная экспедиція князя Барятинскаго въ 1852 году и въ началѣ 1853 сильно поколебала могущество Шамиля въ Чечнѣ, и можно было бы ожидать болѣе важныхъ результатовъ въ этомъ краѣ, если бы энергическій напоръ продолжался еще нѣкоторое время.

Неожиданное извѣстіе о размолвкѣ нашей съ турецкимъ правительствомъ измѣнило столь выгодное для насъ положеніе дѣлъ. Надобно знать что значило въ мнѣніи полудикихъ горцевъ имя *хукара* (султана), чтобы понять, какое дѣйствіе произвела на нихъ вѣсть о нашемъ враждебномъ столкновеніи съ Турціей и какую новую силу дала она Шамилю. Недаромъ же онъ постоянно общался, въ критическія минуты горцамъ, что могущественный глава правовѣрныхъ вооружится въ ихъ пользу и избавитъ ихъ отъ владычества гяуровъ. Нечего скрывать горькой истины: значеніе исламизма было такъ велико, что вся часть Кавказа, гдѣ преобладаетъ мусульманское исповѣданіе, вдругъ заколыхалась; покорныя и непокорныя племена одинаково почувствовали сильный толчекъ. Тревож-

ные слухи, самые желѣные и преувеличенные, начали распространяться и возбудили религіозный фанатизмъ. Агенты Шамиля, пользуясь этимъ, стали появляться между народомъ, общая ему, что русскіе скоро оставятъ край и что тогда имамъ будетъ полнымъ властелиномъ и строго накажетъ тѣхъ, которые не примутъ теперь же его сторону. Въ особенности старались агенты дѣйствовать на высшіе классы и на духовныхъ, болѣе связанныхъ интересами съ русскимъ владычествомъ. Управляя тогда кумыкскимъ владѣніемъ, я могъ хорошо слѣдить за этимъ движеніемъ, хотя, конечно, не всѣ тайные замыслы Шамиля могли быть мнѣ извѣстны. Можно положительно сказать, что осенью 1853 года вся восточная часть Кавказа, подобно огромному пороховому погребу, ожидала только искры, чтобы произвести страшный взрывъ. Первое сильное проявленіе общаго настроенія умовъ обнаружилось въ сентябрѣ, когда Шамиль, съ большимъ сборомъ, бросился на лезгинскую линію и угрожалъ Закаталамъ. Къ счастью, онъ поторопился, такъ что турки еще не могли ему содѣйствовать. Но все-таки извѣстно, какую тревогу распространилъ Шамиль во всемъ край. Если бы энергія въ исполненіи соотвѣтствовала смѣлости плана, то нѣтъ сомнѣнія, что имамъ могъ бы сдѣлать намъ большой вредъ и воспламенить умы покорныхъ джарцевъ и сосѣднихъ жителей Нухинскаго уѣзда, а можетъ быть распространить волненіе и между борчалинцами, т. е. до самой турецкой границы. Въмѣсто того, чтобы спуститься рѣшительно на плоскость, онъ занялся осадой маленькаго укрѣпленія Мессельдигеръ, находящагося на одномъ изъ контрфорсовъ хребта. Героическая защита этого пункта и неожиданное появленіе князя Аргутинскаго-Долгорукова въ тылу Шамиля, на вершинѣ Гудуръ-дага, спасли край. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ аннибаловскомъ подвигѣ престарѣлаго полководца, полуразбитаго параличемъ; но ни одинъ кавказецъ не можетъ вспомнить объ немъ безъ глубокаго сочувствія.

Шамиль принужденъ былъ поспѣшно отступить въ горы. Вскорѣ послѣ того началась война съ турками. Первые минуты были критическія. Къ счастью, побѣды подъ Ахалцыхомъ и Башкадыкларомъ возстановили перевѣсъ нашего оружія на турецкой границѣ. Но слухъ о нашихъ успѣхахъ мало доходилъ въ горы. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, въ продолженіе всей этой войны, не только горцы, но и подвластные намъ

племена систематически, можно сказать, не вѣрили нашимъ успѣхамъ и, напротивъ, съ жадностію принимали всякія преувеличенныя извѣстія о малѣйшихъ неудачахъ и часто о вымышленныхъ дѣлахъ (*). Даже туземцы, бывшіе въ дѣлахъ на нашей границѣ и возвращавшіеся домой, и тѣ встрѣчали непріязненное недоумѣріе, когда рассказывали о нашихъ побѣдахъ; ихъ упрекали, что они подкуплены русскими, и заставляли молчать.

Однимъ словомъ, въ продолженіе зимы съ 1853 по 1854 годъ умы горцевъ болѣе и болѣе возбуждались; вездѣ муллы проповѣдывали казавать (**) и возвѣщали, что раннею весною страшная буря разразится надъ русскими, что Шамиль спустится съ горъ, выгонитъ русскихъ и жестоко накажетъ тѣхъ мусульманъ, которые не возстанутъ противъ гяуровъ. Время прошедшее, но не забуду никогда тревожнаго ожиданія всѣхъ съ ранней весны. Не преувеличивая могу сказать, что если бы Шамиль вовремя воспользовался тогдашнимъ настроеніемъ умовъ и со всѣми силами бросился на какую-нибудь часть растянутой нашей линіи, онъ успѣлъ бы воспламенить такой пожаръ, котораго послѣдствія могли быть неисчислимы. Дагестанъ былъ арѣлъ къ возстанію. Кумыкская плоскость, Чечня, Владикавказскій округъ, Кабарда, все было бы увлечено малѣйшимъ успѣхомъ имама на какомъ-нибудь пунктѣ.

Къ счастью, въ Шамиль не было энергіи 1846 года.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ онъ медлилъ, откладывалъ, ожидал то подпожнаго корма, то окончанія *ураза* (поста), потомъ праздника байрама и т. д. Конечно, судорожное настроеніе подвластныхъ намъ горцевъ не могло долго поддерживаться въ одинаковой силѣ, а когда настала пора полевыхъ работъ, мы вздохнули свободнѣе. Въ особенности на кумыкской плоскости полевые работы такъ велики и тягостны, что трудящейся массѣ народа не до политики. Время сборовъ и безконечныхъ бесѣдъ около мечетей миновало для всѣхъ занятыхъ полевыми работами, и потому они уже не были такъ воспріимчивы къ фанатическимъ рассказамъ и подстрекательствамъ.

Такъ прошли весна и часть лѣта. Надобно замѣтить, что

(*) Я помню, какъ взятію Карса не хотѣли вѣрить многіе кумыки и чеченцы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

(**) Священная война.

число войскъ на лѣвомъ флангѣ было уменьшено съ начала войны двумя баталіонами Курипскаго полка, которые находились на турецкой границѣ; въ замѣнѣ ихъ одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка былъ взятъ съ кумыкской плоскости въ Грозную. Чтобы вознаградить уменьшеніе пѣхоты, прибыло къ намъ нѣсколько кавалеріи, именно донскіе казаки.

На кумыкской плоскости находилось пѣхоты пять баталіоновъ, въ томъ числѣ четыре баталіона Кабардинскаго полка (*) и одинъ линейный баталіонъ въ укрѣпленіи Куринскомъ; кавалеріи было три донскихъ полка (**).

Назначеніе этихъ войскъ было охранять кумыкскую плоскость отъ непріятельскихъ вторженій, и поэтому всѣ они, кромѣ одного донскаго полка, были расположены въ укрѣпленіяхъ вдоль непріятельской границы отъ Умаханъ-юрта до Сулаки. Очевидно, что только въ двухъ пунктахъ были небольшіе подвижные резервы пѣхоты: въ укрѣпленіи Куринскомъ, гдѣ находилось пять ротъ, можно было, за исключеніемъ самаго необходимаго гарнизона, располагать тремя ротами, и въ Хасавъ-юртѣ шестью или семью ротами. Кавалерія же была почти вся свободна. Эти два пункта: куринскій и хасавъ-юртовскій, составляли двѣ главные опорныя точки (pivots) всей нашей обороны. Они удалены одинъ отъ другаго на 25 верстъ. Почти на среднѣмъ разстояніи между ними находится небольшое укрѣпленіе Герзель-ауль, при выходѣ Аксая изъ горной полосы на плоскость.

Все вообще кумыкское владѣніе представляетъ видъ обширной равнины между рѣками Терекомъ и Сулакомъ, почти безлѣсной и изрѣзанной нѣсколькими рѣчками, текущими въ глубокихъ руслахъ. Равнина ближе къ Каспійскому морю совершенно горизонтальна и потому во многихъ мѣстахъ болотиста; часть же, прилегающая къ горамъ, имѣетъ видъ покатости, хотя отлогой, но очень замѣтной, такъ что съ дороги, идущей отъ

(*) Изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ баталіона въ укрѣпленіи Куринскомъ; $\frac{1}{2}$ баталіона того же (2-го) баталіона составлялъ гарнизонъ Герзель-ауля; 3 роты въ крѣпости Виезаниной, а остальные 9 ротъ въ Хасавъ-юртѣ; но изъ нихъ небольшія команды были въ тѣхъ-де-поиѣ у Шелковскаго моста на Терекѣ и въ деревнѣ Ташь-Кичахъ.

(**) Изъ которыхъ одинъ въ укрѣпленіи Куринскомъ (отъ него 1 сотня на Карасинскомъ посту), одинъ полкъ въ Хасавъ-юртѣ (двѣ сотни его во Виезаниной) и одинъ полкъ содержалъ кордонъ на задней линіи по дорогѣ отъ Кизляра въ Казанъ-юртѣ, по которой въ тогдѣшнее время производилось срочное сообщеніе линіи съ Дагестаномъ. Штабъ-квартира его была на Магометоломъ мосту.

Чиръ-юрта къ Умаханъ-юрту, видъ на плоскость простирается очень далеко. На этой покатости находятся вышеупомянутыя укрѣпленія. Между Герзель-аудомъ и Умаханъ-юртомъ почти вся покатость покрыта колючкою, во многихъ мѣстахъ до того густою, что она составляетъ какъ бы непроходимое препятствіе для конныхъ и пѣшихъ.

Выше тянется *Качкалыковский* хребетъ, невысокій, но поросшій густымъ лѣсомъ. Только въ двухъ мѣстахъ: противъ укрѣпленія *Куринаго* и въ трехъ верстахъ далѣе по направленію къ *Умаханъ-юрту*, довольно широкія просѣки, продѣланныя въ разное время нашими войсками, давали доступъ въ непріятельскую землю (первая просѣка нѣсколько запущенная). Противоположный склонъ Качкалыковского хребта, къ сторонѣ Большой Чечни, нѣсколько круче; вдоль его подножія течетъ рѣчка Мичикъ въ совершенно отвѣсныхъ и глубокихъ берегахъ и составляетъ очень сильную природную преграду.

По имени *Мичика*, часть Большой Чечни, прилегающая къ кумыской плоскости, называлась *Мичиковскимъ наибствомъ*, которымъ управлялъ тогда наибъ Эски, человекъ недалекаго ума, но храбрый и отважный, а потому бывшій въ большой милости у Шамиля. Главный недостатокъ его, какъ и большей части его собратій-набовъ, было непомѣрное корыстолюбіе. Подъ разными предлогами, Эски обиралъ подвластныхъ ему чеченцевъ; часть сборовъ онъ долженъ былъ посылать къ Шамилю, но, конечно, большую долю оставлялъ себѣ или дѣлился ею съ своими мюридами и муртазаками, т. е. съ отборными людьми, составлявшими опору его власти. Столь тягостная фискальная система давно уже возбуждала сильный ропотъ и неудовольствіе между чеченцами, народомъ, привыкшимъ до 1840 года къ жизни вольной, и отличительная черта котораго есть впечатлительность и любовь къ неограниченной свободѣ.

Вслѣдствіе этихъ неудовольствій, многіе непокорные чеченцы бѣжали отъ яга набба и искали убѣжища у насъ. Число ихъ значительно увеличилось особенно послѣ зимняго похода 1852 года. Такъ какъ они неохотно селились въ кумыкскомъ владѣніи, гдѣ поземельная собственность находится почти исключительно въ рукахъ князей и узденей, то начальство наше нашло удобнымъ отдать имъ земли, нѣкогда принадлежавшія подвластнымъ имъ качкалыковскимъ чеченцамъ, но оставшіяся

пустыми послѣ возстанія въ 1840 году, когда качкалыковцы бросили свои жилища и ушли къ Шамилю. Эта полоса земли, прилегающая къ Качкалыковскому хребту, по отлогости, о которой было упомянуто выше, простирается между Терекъ и Аксасмъ. Такъ образовались аулы Ойсулъ-Гуръ, подъ выстрѣлами укрѣпленія Куринскаго, Кадырь-юртъ, внизу на плоскости, недалеко отъ Энгель-юрта, и самый значительный изъ нихъ *Истису*, въ четырехъ верстахъ отъ укрѣпленія Куринскаго, по направленію къ Умаханъ-юрту, недалеко отъ второй просѣлки. Слово *исти* значитъ по-татарски „горячій“. Такое названіе аулъ получилъ отъ горячихъ источниковъ, вытекающихъ недалеко оттуда изъ Качкалыковского хребта и образующихъ довольно глубокія и извилистыя балки. Вообще мѣстность кругомъ аула чрезвычайно зарыта, и такъ какъ балки берутъ начало въ лѣсу, покрывающемъ горный хребетъ, то прежде она весьма благопріятствовала непріятельскимъ воровскимъ партіямъ, которыя спускались на плоскость. Съ поселеніемъ аула, эта дорога была закрыта; но съ другой стороны, по характеру мѣстности, положеніе аула было весьма небезопасно: непріятельскія партіи могли подойти къ нему незамѣтно съ лѣснаго хребта, а помощь изъ Куринскаго укрѣпленія не всегда могла скоро поспѣть. Поэтому начальство наше, при поселеніи аула (въ 1852 году), нашло необходимымъ построить небольшой редутъ на самомъ возвышенномъ пунктѣ, у оконечности его, обращенной къ горамъ; немного выше и внѣ ограды аула выстроена была небольшая сигнальная башня изъ саманнаго кирпича, на которой находилось чугунное орудіе. Внѣ слѣдствіи жители выпросили, чтобы и на нижней, противоположной, оконечности аула устроили другой редутикъ, въ которомъ помѣстили, какъ и на верхнемъ, одно орудіе. Весь гарнизонъ въ двухъ редутахъ состоялъ изъ одной роты, т. е. около 130 человѣкъ рядовыхъ, изъ которыхъ большая половина (около 75 человѣкъ) была въ верхнемъ редутѣ, при ротномъ командирѣ, а остальные въ нижнемъ, подъ начальствомъ субалтернъ-офицера. Рота эта смѣнялась въ извѣстные сроки изъ куринскаго гарнизона. Самый аулъ былъ обнесенъ очень низкою земляною оградой, кое-гдѣ укрѣпленную колючкою; но, по небрежности жителей, во многихъ мѣстахъ валъ почти осыпался, такъ что скотъ переходилъ черезъ него безпрепятственно.

Населеніе аула Истису образовалось изъ всякаго сброда

людей, бѣжавшихъ, какъ уже сказано, въ разное время изъ-подъ ига наиба мичиковскаго. Народъ былъ большею частію смѣлый, но мало дисциплинированный и, какъ вообще всѣ чеченцы, весьма впечатлительный, переходившій очень скоро отъ беззаботной отваги къ мнительности. Много хлопотъ стоили жители Истису нашему начальству. Кромѣ необходимости постоянно караулить ихъ, приходилось даже прокармливать ихъ, ибо, по опасному положенію аула, они не могли сколько-нибудь серьезно заняться земледѣліемъ. Даже скотину свою они не могли безопасно выгонять на пастбу. Не разъ наибъ Эски пытался отбивать ихъ скоть; а потеря скота, единственнаго богатства горца, повлекла бы за собою непремѣнно уничтоженіе аула: жители разошлись бы по другимъ ауламъ.

Можетъ быть, спросятъ: отчего же мы такъ дорожили этимъ ауломъ? не лучше ли было бы не оставлять его на этомъ мѣстѣ? Кромѣ пользы, которую аулъ Истису приносилъ намъ тѣмъ, что заграждалъ непріятелю доступный проходъ на плоскость, онъ имѣлъ и политическую важность: онъ служилъ приманкою для всѣхъ недовольныхъ чеченцевъ, которымъ легко было въ одну ночь, съ семействами и болѣе цѣннымъ имуществомъ, перебраться туда изъ непріятельской земли. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, родственники новыхъ выходцевъ и смѣльчаки выходили навстрѣчу до Мичика и прикрывали ихъ переселеніе. Иногда даже наши войска посылались къ нимъ на помощь.

Вслѣдствіе этого постояннаго движенія, жители аула имѣли самыя вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что происходило у непріятеля, и служили намъ полезными лазутчиками. Очень часто также они небольшими шайками дѣлали смѣлые набѣги и возвращались съ добычею изъ непріятельской земли.

Можно себя вообразить, какую злобу питалъ мичиковскій наибъ къ аулу Истису. Сколько разъ онъ клялся, что уничтожить ненавистный аулъ; но всѣ его усилія и хитрости были тщетны: ему ни разу не удалось нанести намъ хотя какой-нибудь чувствительный ущербъ. Кромѣ бдительности самихъ жителей, мы были обязаны такимъ положеніемъ ловкости и предусмотрительности нашего качкалыковского наиба Баты.

Нельзя не сказать нѣсколько подробнѣе объ этомъ человѣкѣ, игравшемъ важную роль во всѣхъ обстоятельствахъ того времени. Еще мальчкомъ онъ былъ взятъ на воспитаніе баро-

номъ Розеномъ (братомъ бывшаго главноуправляющаго на Кавказѣ), который полюбилъ молодаго чеченца, ловкаго и умнаго; впоследствии онъ взялъ его съ собою въ Россію, и Бата служилъ въ горскомъ конвое въ Варшавѣ. Возвратившись на Кавказъ, онъ поступилъ на службу переводчикомъ къ начальнику лѣваго фланга. Во время постройки укрѣпленія Куринскаго Бата имѣлъ какія-то неудовольствія съ начальствомъ и, опасаясь взысканія, бѣжалъ къ Шамилю. Тамъ онъ въ короткое время отличился предъ всѣми своими одноплеменниками способностями и смѣлостію. Шамиль назначилъ Бату нанбомъ, а впоследствии главою надъ нѣсколькими нанбами Чечни. Отличное знаніе нашего края, характера нашихъ начальниковъ и вообще всѣхъ нашихъ обстоятельствъ давали ему возможность вредить намъ гораздо болѣе остальныхъ, невѣжественныхъ непріятельскихъ предводителей. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Бата очень тревожилъ наши предѣлы, особенно кумыкскую плоскость, на которую онъ дѣлалъ отважные набѣги. Но его суровая строгость и, какъ говорятъ, непомѣрные денежные сборы вооружили противъ него большую часть подчиненныхъ. Питринга враговъ также способствовала тому, что Бата впалъ въ немилость у Шамиля и лишился нанбства. Вѣроятно, его участь была бы еще печальнѣе, если бы послѣднее бѣгство не спасло его отъ недоброжелателей. Осенью 1851 года онъ вышелъ къ намъ со всѣмъ семействомъ.

Князь Барятинскій, назначенный въ концѣ декабря того же года начальникомъ лѣваго фланга, умѣлъ воспользоваться столь способнымъ человекомъ: блистательная зимняя экспедиція 1852 года была предпринята по указаніямъ Баты. Онъ не только былъ отличнымъ вожакомъ, но и весьма полезнымъ совѣтникомъ, въ одинаковой степени хорошо зналъ образъ дѣйствія непріятеля и нашъ. (Я это самъ испыталъ впоследствии неоднократно.) По окончаніи экспедиціи, милости посыпались на Бату, и въ концѣ того же года князь Барятинскій назначилъ его нанбомъ новаго Качкалыковского округа, включившаго въ себя образовавшіеся чеченскіе аулы на кумыкской плоскости. Военное и административное управленіе всей кумыкской плоскости соединено было тогда въ рукахъ такъ называемаго командующаго войсками въ кумыкскомъ владѣніи, имѣвшаго мѣсто-пребываніе въ Хасавъ-юртѣ. Занимая эту должность, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ командиромъ Кабардинскаго егерскаго полка. Въ

укрѣпленіи Куринскомъ находилась штабъ-квартира линейнаго № 12-го баталіона, командиръ котораго, полковникъ Нейманъ, начальствовалъ и подвижнымъ резервомъ, тамъ расположеннымъ. Ему подчинилось также Качкалыковское наибство, и опъ состоялъ подъ главнымъ начальствомъ командующаго войсками въ кумыкскомъ владѣніи.

Изложивъ нѣкоторыя подробности, необходимыя для уясненія тогдашняго положенія края, приступаю къ разсказу.

Туча, грозившая намъ съ горъ восточнаго Кавказа, хотя не разразилась, однако держала насъ въ тягостномъ ожиданіи.

Наконецъ, среди лѣта 1854 года Шамиль рѣшился дѣйствовать; но вмѣсто того, чтобы броситься на мусульманскія области, онъ явился неожиданно на пунктѣ, гдѣ никакъ не предполагали его появленія. Не буду здѣсь описывать нападенія его на Кахетію. Какъ ни горестно оно было по бѣдствіямъ, которыя претерпѣлъ этотъ благодатный край отъ разоренія многихъ деревень, прекраснаго *Циннда*, отъ увода въ плѣнъ нѣсколькихъ сотъ жителей, и въ томъ числѣ семейства князя Чавчавадзе, но въ сущности Шамиль, кромѣ большой добычи, ничего не приобрѣлъ. Я даже убѣжденъ, что это предпріятіе было съ его стороны большою ошибкою: онъ удовлетворилъ только алчности къ добычѣ своихъ подвластныхъ и, вѣроятно, своей собственной; политическихъ же послѣдствій, кромѣ минутнаго паническаго страха, нельзя было предвидѣть. Сочувствія онъ не могъ ожидать между кахетинцами, народомъ христіанскимъ и вѣковою враждою отдѣленнымъ отъ лезгиновъ; но если бы съ такими же силами онъ бросился на область, населенную мусульманами, то могъ бы произвести страшный пожаръ. Шамиль очень хорошо зналъ, что въ открытомъ бою нашимъ регулярнымъ войскамъ нечего было опасаться его нестройныхъ полчищъ; среди же общаго возстанія они были бы парализованы и подавлены массою. Нельзя однакожь не сознаться, что походъ въ Кахетію далъ Шамилю огромную нравственную силу въ горахъ: впечатлѣніе, произведенное имъ на нашихъ мирныхъ, было глубокое и, конечно, невыгодное для насъ. Къ счастью, Шамиль далъ этому впечатлѣнію остынуть. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ непріятель оставался въ бездѣйствіи. Шамиль и всѣ горцы, казалось, были заняты только исчисленіемъ и раздѣломъ своей богатой добычи. Трудно опредѣлить причину этого бездѣйствія; но можно пред-

полагать, что неоднократныя пораженія, понесенныя турками на нашей границѣ, способствовали тому, что имамъ охладѣлъ къ плану совокупнаго съ ними дѣйствія. Кажется, онъ уже менѣе довѣрялъ обѣщаніямъ пашей. Впрочемъ, мнѣ случалось слышать отъ нѣсколькихъ туземцевъ, хорошо знавшихъ характеръ Шамиля, что онъ даже не советѣмъ искренно сочувствовалъ идеѣ о соединеніи съ турками, такъ какъ, по мусульманскому закону, имамство его прекратилось бы съ того дня, какъ онъ вступилъ бы въ прямую связь съ настоящимъ и единственнымъ имамомъ правовѣрныхъ, т. е. султаномъ турецкимъ (*).

Какъ бы то ни было, но въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ горахъ все оставалось спокойно, несмотря на то, что мы, съ своей стороны, для восстановленія нашего нравственнаго вліянія, предпринимали въ этотъ промежутокъ времени нѣсколько удачныхъ набѣговъ въ непріятельскую землю.

Наконецъ, во второй половинѣ сентября, снова заговорили о большихъ сборахъ въ горахъ. Приготовленія были огромныя; никто однако не зналъ, куда Шамиль, въ этотъ разъ, направить ударъ. Массы стекались въ одно время на нѣсколькихъ пунктахъ. Однимъ изъ любимыхъ сборныхъ мѣстъ непріятеля было Анди, откуда, какъ изъ центра, легко было двинуться, чрезъ Ведень или Дарго, въ долину *Сунжи* и на *Мичикъ*, или, чрезъ Думбетъ и Салатавію, на кумыкскую плоскость, или, наконецъ, чрезъ Аварію, броситься на какую угодно часть Дагестана.

Однимъ изъ лучшихъ набовъ Шамиля былъ *Каиръ-бекъ*, набѣ салатавскій, которому въ военное время подчинялись нѣсколько другихъ. Положеніе Салатавіи, выдающейся бастіономъ между Дагестаномъ и кумыкскою плоскостію, чрезвычайно способствовало нечаяннымъ нападеніямъ. Въ кахетинскомъ походѣ, Каиръ-бекъ командовалъ тѣми отборными войсками, которыя переходили на правый берегъ Алазани. Онъ и теперь хотѣлъ ознаменовать себя какимъ-нибудь блистательнымъ подвигомъ до началія похода, 27-го сентября, съ большою партією, подошелъ скрытно къ аулу *Андреевскому* и бросился на весь скотъ жителей, пасшійся ниже аула на берегу *Акташа*. Уже добыча была въ его рукахъ; но, благодаря умнымъ и энергическимъ распоряженіямъ главнаго пристава *маіора Шелеметова*,

(*) Самостоятельный имамъ допускается только тамъ, гдѣ мусульманское племя, окруженное со всѣхъ сторонъ иловѣрцами, совершенно отдѣлено отъ остальныхъ мусульманъ.

партія была атакована во флангъ жителями и нашими слабымъ гарнизономъ съ такою стремительностію, что обратилась въ бѣгство, а самъ *Каиръ-бекъ*, смѣло несшійся во главѣ своей кавалеріи, попалъ въ засаду и былъ убитъ андреевскими охотниками. Тѣло его осталось въ нашихъ рукахъ—трофеи довольно рѣдкій въ войнѣ съ горцами. Когда я прискакалъ съ кавалеріею изъ *Хасаго-юрта*, все было уже кончено.

Счастливый исходъ дѣла подъ Андреевомъ былъ очень важенъ для насъ; нравственное вліяніе на жителей было весьма ощутительно: горсть нашихъ разбила многочисленнаго врага, и Шамиль предъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій лишился лучшаго военачальника.

Недолго однако мы отдыхали послѣ этого дѣла. Слухи о сборахъ непріятеля становились болѣе и болѣе тревожными. Лазутчики давали самыя противорѣчащія свѣдѣнія. Извѣстно было одно: Шамиль сзывалъ всѣхъ къ оружію и приготовленіи были самыя обширныя. Наконецъ узнали, что массы изъ Дагестана потянулись чрезъ Анди къ Веденямъ и что самъ имамъ выѣхалъ изъ своего дома въ походъ. Роковая минута, повидимому, приближалась. Участь всего края могла рѣшиться; малѣйшій успѣхъ непріятеля могъ произвести общее возстаніе мирныхъ чеченцевъ и даже миролюбивыхъ кумыковъ: матеріаловъ для воспламененія было достаточно.

Шамиль переѣхалъ въ *Шали*. Это центральный пунктъ на плоскости Большой Чечни: отсюда одинаково легко ему было въ нѣсколько часовъ явиться либо у Андреева аула, либо на *Мичикъ*, или у крѣпости *Грозной*, или въ Малой Чечнѣ, а затѣмъ ему открывался путь чрезъ назрановское общество къ Владикавказу или въ Большую Кабарду. Наши же войска, раскинутыя на обширной окружности и въ слабыхъ отрядахъ, имѣли мало надежды поспѣть вовремя къ угрожаемому пункту. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту минуту все зависѣло отъ умѣнья Шамиля воспользоваться выгодными обстоятельствами. Располагая огромными массами, онъ легко могъ обмануть насъ ложными тревогами на разныхъ пунктахъ, утомить наши малые отряды форсированными переходами изъ одного мѣста въ другое и потомъ вдругъ, съ главными силами, броситься на одинъ избранный пунктъ и овладѣть имъ. А одного успѣха было бы достаточно для увлеченія мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что тогда Шамиль легко могъ устремить многочисленные отряды кавалеріи

на плоскость, ускорить тамъ возстаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовать на наши сообщенія съ линіею (*). Нельзя себѣ вообразить, какія могли бы быть послѣдствія такого оборота дѣлъ. Стоитъ только вспомнить что было въ среднемъ Дагестанѣ въ 1843 году; результатъ могъ быть и теперь тотъ же самый, такъ что въ нѣсколько дней все владычество наше на правомъ берегу Терека могло быть потеряно. А затѣмъ кто поспрешивалъ бы Шамилю броситься, какъ въ 1846 году, на военно-грузинскую дорогу и отрѣзать такимъ образомъ единственное военное сообщеніе Россіи съ Закавказскимъ краемъ? Нечего исчислять послѣдствія такого событія: они ясны.

Къ счастью нашему, Шамиль и въ этомъ случаѣ выказалъ первѣнственность своего характера. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать энергически и поразить умы всѣхъ быстротою своихъ движеній, онъ простоялъ въ Шали нѣсколько дней безъ всякой видимой необходимости. Предлогомъ бездѣйствія служило то, что онъ поджидаетъ войска, стекавшіяся къ нему изъ разныхъ отдаленныхъ пунктовъ Дагестана, между тѣмъ какъ у него ихъ было уже слишкомъ достаточно для выполненія самаго обширнаго плана дѣйствій. Какъ видно, къ Шамилю приступали съ разныхъ сторонъ съ предложеніями, одинаково заманчивыми: назрапопскіе и кабардинскіе выходцы упрашивали его двинуться въ Малую Чечню, другіе совѣтывали переправиться чрезъ Сулику, ниже Грозной, и отрѣзать сообщеніе этой крѣпости съ кумыкскою плоскостію; наконецъ наибъ Эски убѣдительно упрашивалъ напасть на ненавистный аулъ Истису и, взявъ его, разгромить все кумыкское владѣніе.

Начальникомъ лѣваго фланга былъ въ это время генералъ-маіоръ баронъ Врангель. Положеніе его было самое тягостное: огромная отвѣтственность лежала на немъ, а между тѣмъ, при малыхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ, возможно ли было надѣяться опередить непріятеля на угрожаемомъ пунктѣ и отразить его напоръ?

Оборону кумыкской плоскости баронъ Врангель поручилъ мнѣ; въ укрѣпленіи Воздвиженскомъ, штабъ-квартирѣ Куринскаго полка, былъ сосредоточенъ небольшой отрядъ подъ командою полковаго командира; самъ же баронъ Врангель съ глав-

(*) Въ этомъ отношеніи, мосты Шелкозаводскій и Николаевскій на Терекѣ имѣли огромное значеніе, такъ какъ они служили единственною связью нашихъ военныхъ силъ съ своимъ базисомъ на лѣвомъ берегу Терека.

ными силами, т. е. съ 3-мя баталіонами пѣхоты и довольно значительною кавалеріею, находился въ крѣпости Грозной, какъ въ центральномъ пунктѣ, откуда онъ могъ одинаково удобно двинуться въ ту сторону, гдѣ будетъ угрожать опасность. Я находился въ это время въ Хасавъ-юртѣ, въ выжидательномъ положеніи, не зная намѣреній непріятеля. Доходили слухи, будто силы его направятся къ крѣпости *Внезапной*, чтобъ отмстить за смерть Каиръ-бека, и эти слухи казались не лишенными вѣроятности тѣмъ болѣе, что для движенія изъ *Шали* чрезъ *Аула* времени требовалось немного.

Мучительная неизвѣстность продолжалась нѣсколько дней; между тѣмъ, вѣроятность нападенія на Внезапную уменьшилась. Свѣдѣнія лазутчиковъ преимущественно указывали на движеніе Шамиля къ Назрану или къ *Истису*. И въ Грозной баронъ Врангель испытывалъ, повидимому, ту же самую неувѣренность. Я узналъ, утромъ 3-го октября, что наканунѣ отрядъ изъ одного баталіона Кабардинскаго полка, съ нѣсколькими сотнями кавалеріи, хотя и былъ двинутъ изъ Грозной въ Умаханъ-юртъ для скорѣйшаго подкрѣпленія нашего въ случаѣ надобности, но въ тотъ же вечеръ, по извѣстію о непремѣнномъ движеніи Шамиля въ Малую Чечню, отозванъ обратно.

Очевидно было, что при малыхъ нашихъ силахъ не представлялось возможности прикрыть все пространство: надлежало рѣшиться сосредоточить силы на какомъ-нибудь одномъ пунктѣ, подвергаясь опасности, что непріятель, воспользовавшись этимъ, бросится именно на то пространство, которое будетъ обпажено. Но рискъ былъ неизбеженъ; необходимо было положиться на счастье. Сообразивъ всѣ полученныя мною свѣдѣнія, я пришелъ къ заключенію, что непріятель двинется, вѣроятно, или къ *Истису*, или въ Малую Чечню. Въ обоихъ случаяхъ мнѣ было полезно перейти въ укрѣпленіе Курникосъ, откуда я могъ помочь нашему аулу или же содѣйствовать барону Врангелю прикрытіемъ Умаханъ-юрта и Грозной, если онъ двинется вверхъ по Сунжѣ. Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, я написалъ къ командующему войсками въ Дагестанѣ, князю Орбеліани, и просилъ его прикрыть вѣренными ему силами южную часть кумыкской плоскости. Я заблаговременно предписалъ подполковнику Трехсволкову, бросивъ кордонъ между Кизляромъ и *Казы-юртома*, стянуть весь свой донской полкъ къ Магометову мосту и форсированнымъ маршемъ направиться къ

Хасавъ-юрту. 2-го октября, для выигранія времени, я двинулъ три роты, при одномъ орудіи, подъ командою капитана Романуса, къ Герзель-аулу, чтобы быть ближе къ выбранному пункту. Наконецъ, 3-го октября, рано утромъ, нарочный изъ Грозной привезъ мнѣ извѣстія, которыя окончательно утвердили меня въ моемъ намѣреніи.

Для защиты Хасавъ-юрта я оставилъ четыре роты съ двумя сотнями кавалеріи; въ крѣпости Внезапной находились три роты. Затѣмъ двѣ роты, при одномъ орудіи, получили приказаніе немедленно двинуться также къ Куринскому укрѣпленію; самъ же я, съ четырьмя сотнями и коннымъ взводомъ артиллеріи, выступилъ по тому же направленію. При выходѣ моемъ изъ воротъ Хасавъ-юрта, я узналъ, къ большому удовольствію, что подполковникъ Трехсвоиковъ съ полкомъ показался въ виду укрѣпленія. Я оставилъ ему предписаніе идти, послѣ самаго короткаго отдыха, вслѣдъ за мною.

Прибывши въ Герзель-аулъ, я взялъ здѣсь еще роту съ однимъ пѣшимъ орудіемъ и присоединилъ ихъ къ колоннѣ Романуса, которая шла къ Куринскому укрѣпленію. Было около часу по полудни, когда наши небольшія силы достигли Куринскаго укрѣпленія. Въ продолженіе всего слѣдованія, внутреннее мое волненіе было невыразимо: я не сводилъ глазъ съ Истису, ожидая ежеминутно сигнальнаго выстрѣла.

Въ Куринскомъ я нашелъ умы болѣе успокоенными. Не было никакихъ свѣдѣній о движеніи непріятеля, а между тѣмъ половина дня прошла. Можно было ждать чего-нибудь до трехъ часовъ; но послѣ этого уже нельзя было предвидѣть нападенія, такъ какъ дни становились короткими. Вслѣдствіе этого кавалерія была спущена на три версты ниже на плоскость, для фуражированія, но въ полной готовности къ бою. Я присоединилъ къ ней и свои четыре сотни, что составило вмѣстѣ девять сотенъ (одна сотня осталась охранять важный Караспскій постъ). Съ часъ спустя, прибылъ подполковникъ Трехсвоиковъ съ своими шестью сотнями, такъ что всей кавалеріи набралось до 15 сотенъ, подъ общею командою подполковника Полякова, старшаго въ чинѣ.

Недолго мы отдыхали въ Куринскомъ. Въ исходѣ втораго часа послышались пушечные выстрѣлы, сначала рѣдкіе, но потомъ ускоренные, и вслѣдъ затѣмъ ясно можно было различить пере-

каты ружейнаго огня. Не оставалось никакого сомнѣнія: непріятель напалъ на аулъ Истису.

Въ одинъ мигъ ударили тревогу. Наши молодцы-солдаты съ невыразимымъ воодушевленіемъ бѣжали къ своимъ мѣстамъ. Я собралъ свою маленькую колонну при выходѣ изъ укрѣпленія; а такъ какъ пѣхота изъ Хасавъ-юрта уже прибыла, то я могъ, за исключеніемъ двухъ ротъ линейныхъ, оставленныхъ для защиты укрѣпленія, собрать 8 ротъ, при 4 пѣшихъ орудіяхъ. Тутъ же собрались два конныя орудія и ракетная команда Донскаго полка, состоявшая изъ 60 человѣкъ, подъ начальствомъ храбраго есаула *Бирюзовскаго*.

Подполковникъ *Поляковъ* поскакалъ немедленно внизъ къ кавалеріи, фуражировавшей въ виду насъ на плоскости, съ приказаніемъ тотчасъ двинуться прямымъ путемъ къ Истису на соединеніе съ нами.

Не успѣли мы выйти изъ воротъ, какъ показалась, выше укрѣпленія, на старой просѣлкѣ, многочисленная непріятельская конница, при одномъ орудіи, которая дерзко подсакивала къ самому укрѣпленію и потомъ открывала по немъ пушечный огонь. Надлежало предполагать, что эта была диверсія съ цѣлію удержать нашъ резервъ въ укрѣпленіи; потому на нее не обратили вниманія. Однако пришлось оставить двѣ роты, при одномъ орудіи, и одну сотню казаковъ у плотины, ниже укрѣпленія, чтобы угрожать тылу непріятеля, если бы онъ вздумалъ спуститься на плоскость по направленію къ *Кадыръ-юрту*. По опыту мы знали, что и самой малой колонны нашихъ регулярныхъ войскъ было достаточно отбить у непріятеля охоту удалиться отъ горъ, имѣя насъ въ тылу своемъ.

Между тѣмъ, слабая наша колонна изъ шести ротъ, выстроившись на бѣгу, бросилась чрезъ плотину по направленію къ Истису. Нѣтъ словъ выразить общаго воодушевленія. Никому и въ голову не приходило подумать о несоразмѣрности нашихъ силъ съ непріятельскими; я самъ, откровенно сознаюсь, не подумалъ о томъ. Впослѣдствіи многіе меня спрашивали: какъ я могъ рѣшиться на такой отчаянный поступокъ, повидимому, противный всѣмъ правиламъ военнаго искусства? Замѣчаніе тѣмъ болѣе справедливое, что силы, которыми я располагалъ, были единственный резервъ для защиты края: если бы этотъ резервъ былъ уничтоженъ, то вся кумыкская плоскость сдѣлалась бы добычею непріятеля. Помню только, что громъ вы-

стрѣловъ въ Истису увлекать всѣхъ: отъ начальника до послѣдняго солдата, всѣ помышляли только о томъ, чтобы выручить горсть товарищей, защищавшихъ аулъ.

Въ Истису ведетъ дорога прямо; дальше она направляется къ Умаханъ-юрту. Выше сказано, что дорога тянется по полугорѣ, довольно высоко надъ плоскостію, потому она и называется *верхнею*. По обѣ стороны весь скатъ горы заросъ густою и высокою колючкою, проходимою только въ немногихъ мѣстахъ, такъ что дорога образуетъ какъ бы дефиле. Ниже идутъ еще двѣ параллельныя дороги, которыми пользуются мѣсте: средняя, довольно узкая, называется также посреди колючки, а нижняя тянется вдоль по подошвѣ покатости горы, образующей почти до самаго Истису какъ бы уступъ, хотя незначительный, но достаточный для того, чтобы, вмѣстѣ съ высокимъ колючимъ кустарникомъ, скрыть пѣшихъ и конныхъ, идущихъ по этой дорогѣ, отъ глазъ тѣхъ, которые находятся на покатости около верхней дороги. Это обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло для насъ большое значеніе. Никому изъ насъ оно не было извѣстно; одинъ Бата, хорошо знакомый съ мѣстностію, быстро сообразилъ пользу, которую можно было извлечь изъ нея. Онъ настоятельно просилъ меня спуститься на нижнюю дорогу. Не безъ колебанія рѣшился я бросить знакомую прямую дорогу. Громъ выстрѣловъ въ Истису тянулъ невыразимо, а тутъ приходилось дѣлать немалый обходъ. Сначала мы даже сбились и пошли по средней дорогѣ; надобно было повернуть еще ниже. Не могу выразить всеобщаго воодушевленія: люди бѣжали все время. Конечно, отъ этого колонна растянулась донельзя; но, къ счастью, нашъ флангъ слѣва былъ прикрытъ колючкою, а справа разстилась обширная плоскость, удобная для дѣйствія нашей кавалеріи.

Надобно однако объяснить то, что происходило въ это время въ Истису.

Мѣстность около аула, какъ я выше упомянулъ, способствуетъ скрытому движенію. Пользуясь сию, Шамиль, со всѣмъ своимъ скопцемъ, подошелъ такъ неожиданно, что первый выстрѣлъ съ башни былъ вмѣстѣ съ тѣмъ сигналомъ боя. Многочисленныя массы непріятеля развернулись по всей покатости горы тыломъ къ самой опушкѣ лѣса и охватили въ короткое время аулъ почти со всѣхъ сторонъ.

Можно сказать, что, спустя нѣсколько времени, когда все

войско Шамиля собралось, линія баталіи его растянулась правымъ флангомъ выше Куринскаго укрѣпленія, а лѣвый флангъ простирался еще на двѣ или на три версты за Истису по направлению къ Умаханъ-юрту. Никогда не видали (какъ мнѣ слышали потомъ старожилы) такого огромнаго сбора непріятеля, и хотя трудно опредѣлить его число, но можно съ нѣкоторою увѣренностію сказать, что собралось здѣсь не менѣе 15,000 человекъ.

Шамиль раздѣлилъ свои силы слѣдующимъ образомъ: главныя, подъ непосредственнымъ начальствомъ наипа Эски, предназначались для атаки аула; при нихъ было 4 орудія; тутъ же находился *Казы-Маюма*, сынъ Шамиля. Оконечность праваго фланга должна была, какъ мы видѣли, дѣлать диверсію со стороны Куринскаго укрѣпленія. Затѣмъ довольно большая масса, при нѣсколькихъ орудіяхъ, поставлена была въ промежуткѣ и имѣла, какъ видно, назначеніемъ загородить нашимъ войскамъ прямую дорогу изъ Куринскаго, что было легко. Лѣвый флангъ охранялъ дорогу отъ Умаханъ-юрта, откуда могли ожидать появленія войска барона Врангеля. Большая часть кавалеріи спустилась, нѣсколько ниже аула, къ плоскости.

Итакъ, казалось, непріятель распорядился отлично и могъ надѣяться овладѣть ауломъ и маленькими редутами прежде, чѣмъ поспѣютъ къ нимъ на помощь.

Аулъ Истису расположенъ на довольно узкой перемычкѣ, между двумя неглубокими балками, въ которыя изливаются многіе источники, выходящіе изъ горъ выше аула и протекающіе по глубокимъ извилистымъ оврагамъ. Хотя сигнальная башня, построенная на самомъ высокомъ пунктѣ, и командуетъ нѣсколькими этими балками, но на небольшомъ протяженіи, такъ что массы непріятельской пѣхоты подошли къ нимъ почти скрытно, и внезапно, съ величайшимъ ожесточеніемъ, бросились съ двухъ сторонъ къ оградѣ аула. Большая часть состояла изъ тавлинцевъ (*). Для воодушевленія ихъ, Шамиль объявилъ, что представляетъ все имущество и жителей аула въ добычу побѣдителямъ, отказываясь отъ законной своей доли. Скоро непріятель во многихъ мѣстахъ ворвался въ ограду; завязался отчаянный бой. Пока мужчины оспаривали аулъ, можно сказать шагъ за шагомъ, женщины выносили свое имущество

(*) Т. е. горцевъ, отъ татарскаго слова „тау“, что значитъ гора. Такъ называли дзюгидовъ вообще всѣ жители плоскости.

изъ сакдей и съ дѣтьми уходили въ ту часть аула, которая прилежала къ нашимъ редутамъ, особенно къ верхнему, гдѣ командовалъ штабъ-капиталъ *Петровский*, командиръ 11-й роты; въ нижнемъ редутѣ распоряжался прапорщикъ *Сенкевичъ*. Подъ самымъ валомъ главнаго редута находился домъ одного изъ болѣе зажиточныхъ и преданныхъ намъ жителей аула, по имени *Борза*. Къ нему стекалась большая часть семействъ; однакожъ нѣсколько женщинъ остались въ аулѣ помогать мужчинамъ, и всѣ вообще сражались отчаянно. Между тѣмъ, Шамилъ началъ громить нашъ редутъ и аулъ изъ четырехъ орудій; пользуясь мѣстностію, онъ подвезъ одно орудіе такъ близко къ верхнему редуту, что стрѣлялъ картечью. Черезъ нѣсколько времени непріятель сдѣлалъ попытку идти на штурмъ верхняго редута; но удачные картежные выстрѣлы изъ нашего орудія отбили у него охоту. То же самое случилось и у нижняго редута, котораго валъ, еще не совершенно оконченный, былъ довольно низокъ. Пользуясь балкою, тавлицы подошли скрытно и потомъ вдругъ устремились съ крикомъ по направленію къ амбразурамъ; но храбрый прапорщикъ *Сенкевичъ*, приготовившійся вовремя, встрѣтилъ ихъ такимъ удачнымъ картежнымъ выстрѣломъ, что они бросились обратно въ балку. Нѣсколько разъ они еще пытались, но напрасно.

Тѣмъ не менѣе положеніе аула и нашей 11-й роты стало-вилось отчаяннымъ. Войска и жители не могли знать о моемъ приходѣ въ Куринское укрѣпленіе; поэтому надежды на выручку почти не было, а между тѣмъ непріятель все болѣе и болѣе тѣснилъ и осаждалъ ихъ выстрѣлами изъ орудій и ружейнымъ огнемъ. Уже почти весь аулъ былъ въ рукахъ его; только часть, прилегающая къ укрѣпленію, держалась. Туда столнилось почти все населеніе. *Казы-Магома* и *Эски* употребили всѣ усилія сломавъ эти послѣдніе остатки. Казалось, все было потеряно.

Вдругъ слышится выстрѣлы со стороны плоскости. Нѣсколько ракетъ, пущенныхъ почти одновременно, возвѣщаютъ о нашемъ приходѣ. Въ головѣ нашей колонны была ракетная команда; за нею неслись два конныя орудія, подъ командою поручика *Лыкова*, смѣлаго и распорядительнаго офицера. Надъ уступомъ, для наблюденія за непріятелемъ, вѣшалъ Бата съ нѣсколькими милиціонерами. Непріятель могъ ихъ принять за своихъ. Когда мы приблизились къ первому ручью, текущему

въ балкѣ со стороны аула, я приказалъ круто повернуть влѣво. Храбрый есаулъ Бирюзовскій, съ своею командою, выскочилъ на уступъ, а за нимъ вскорѣ и поручикъ Языковъ съ конными орудіями. Мы воспользовались небольшою площадкою посреди колючки. Удивительное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ: аулъ весь въ дыму, изъ котораго слышались дикіе крики непріятеля и жителей, а повременамъ и ура нашихъ солдатъ; необозримыя толпы окружали аулъ и покрывали гору; сотни значковъ разлѣвались со всѣхъ сторонъ; одна только колючка, на разстояніи не болѣе 200 шаговъ, отдѣляла насъ отъ густыхъ массъ, занимавшихъ верхнюю дорогу въ укрѣпленіе Куринское.

Повидимому, горцы насъ не замѣтили, ибо значки ихъ стояли неподвижно. Моментъ былъ критическій.... Весь успѣхъ зависѣлъ отъ перваго нравственнаго впечатлѣнія: если бы непріятель его выдержалъ и успѣлъ сообразить свое громадное превосходство надъ силами нашими, то дѣло наше было бы проиграно. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что въ эту минуту подобныя мысли мнѣ даже и не представились; я увлеченъ былъ, какъ и всѣ, стремительностію фактовъ. Помню только, съ какимъ тревожнымъ ожиданіемъ слѣдилъ я за дѣйствіемъ первыхъ ракетъ, пущенныхъ въ густую массу, видную изъ-за кустовъ: оно было сокрушительное, потому что, послѣ нѣсколькихъ минутъ какъ бы оцѣпенѣнія, вдругъ массы заколыхались, значки понеслись вправо и влѣво, и ясно обнаружилось, что паническій страхъ обуялъ непріятеля. Я вздохнулъ свободно и внутренно возблагодарилъ Бога за чудную Его помощь. Въ одно мгновеніе орудія выѣхали на позицію и, не давъ опомниться непріятелю, осыпали его картечью.

Болѣе десяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но зрѣлище это мнѣ представляется такъ живо, какъ будто оно случилось только вчера. Восторгъ нашъ былъ невыразимый, и, конечно, храбрые защитники редутовъ и аула раздѣляли его. Намъ послышался оттуда какъ бы одинъ громкій возгласъ, котораго выраженіе отозвалось во всѣхъ сердцахъ нашихъ. Его нельзя описать, но всякій пойметъ его. Никто уже не сомнѣвался въ побѣдѣ, а между тѣмъ хладнокровный наблюдатель могъ бы еще не повѣрить ей. Какая картина являлась ему? Около ракетныхъ станковъ и орудій, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ необозримой массы непріятеля, горсть конныхъ (нѣсколько ми-

людионеровъ съ Батою, мой конной и ракетная команда), а вдали колонна пѣхоты, растинувшаяся дѣтально змѣєю, ибо люди бѣжали безостановочно. Въ счастію, дѣтуть скрывалъ это отъ глазъ непріятеля. Впереди всѣхъ была 4-я егерская рота; она быстро пристроилась къ орудіямъ. Вскорѣ прибыли еще два пѣшія орудія, такъ что образовалась батарея, которая поражала непріятеля батальнымъ огнемъ, пока осталная пѣхота подходила. Безпорядокъ и смятеніе видимо увеличивались въ рядахъ непріятельскихъ. Стѣсненные между колючкою, въ довольно узкомъ пространствѣ вдоль по верхней дорогѣ въ Куринское укрѣпленіе, горцы совершенно потерялись. Между тѣмъ какъ одни, впереди насъ, какъ будто усиливались пробиться вправо и влево, чтобы избѣжать дѣйствія убійственнаго огня, новыя густыя толпы высыпали справа изъ балки, со стороны аула, и тѣснили первыхъ. Наконецъ масса была рѣшительно увлечена влево и, можно сказать, прошла вся подъ выстрѣлами нашихъ орудій. Паническій страхъ передавался дальше съ необыкновенною быстротою тѣмъ, которые покрывали скатъ горы выше дороги; они также зашевелились и подались назадъ. Въ то же время защитники аула и редутовъ, воспламененные общимъ энтузіазмомъ, бросились на непріятельскія толпы, залпмавшія аулъ, съ такимъ ожесточеніемъ, что въ короткое время вытѣснили ихъ за ограду. Видно было даже, какъ отдѣльныя группы разъяренныхъ истисницевъ, съ шашками и кинжалами наголо, преслѣдовали бѣжавшихъ тавлицевъ и за ограду.

Шамиль, видѣвшій съ высотъ это необыкновенное зрѣлище, въ гнѣвѣ своемъ послалъ сказать наибу Эски, что если онъ не возьметъ опять аула, то на мѣстѣ же лишится головы. Угроза подѣйствовала.

Эски, съ чеченцами, бросился опять къ аулу со стороны умаханъ-юртовской дороги; но какъ они были большею частію конные, то должны были оставить лошадей съ коноводами въ балкѣ и затѣмъ пѣшіе ворвались въ ограду и снова заняли часть аула. Успѣхъ ихъ былъ непродолжителенъ.

Весь мѣчъ маленький отрядъ стянулся между тѣмъ на площадкѣ. Видя общее смятеніе въ толпахъ непріятеля, я немедленно двинулся впередъ, оставивъ на первой позиціи два орудія, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ. Быстро переправились мы черезъ балку, отдѣлившую насъ отъ аула, не встрѣчая ника-

кого препятствія; только одно орудіе Эски, поставленное за слѣдующею балкою по умаханъ-юртовской дорогѣ, сдѣлало по насѣ нѣсколько выстрѣловъ. Непріятельскія толпы, занявшія вновь аулъ и засѣвшія въ балкахъ кругомъ его, сначала насѣ не замѣтили и потому допустили на самое близкое разстояніе. Искусный и храбрый помощникъ мой, подковникъ Нейманъ, воспользовался этимъ, велѣлъ подвезти орудія и пустилъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ по балкѣ. Ужасъ и смятеніе овладѣли непріятелемъ; потеря его была огромная. Въ то же время Эски и его чеченцы, изумленные и растерянные, пустились бѣжать изъ аула; они боялись особенно, чтобы среди общаго смятенія коноводы не бросили лошадей. Безпорядокъ былъ невыразимый. Пока полковникъ Нейманъ, съ двумя ротами, довершалъ пораженіе непріятеля, преслѣдуя его по балкѣ, я съ остальными ротами поднялся на бугоръ ниже аула. За слѣдующею балкою непріятельскія массы все еще стояли неподвижно. Многочисленная кавалерія растянута была внизъ почти до плоскости. Орудіе Эски все еще оставалось на дорогѣ и стрѣляло по насѣ. Непріятельскія толпы, отдѣленные одною неглубокою балкою, казались такъ близкими, что я не хотѣлъ сначала вѣрить глазамъ своимъ, думая, что это наши. Вообще оцѣпненіе, овладѣвшее непріятелемъ, многочисленнымъ и еще нетронутымъ, осталось для меня необъясненнымъ. Горцы какъ будто чего-то ожидали. Можетъ быть, они опасались появленія нашей кавалеріи.

Хотя, въ пылу движенія и дѣла, мнѣ не было времени освѣдомиться о ней, однако и я ожидалъ ея прибытія съ судорожнымъ нетерпѣніемъ, такъ какъ, при выступленіи нашемъ изъ Куринскаго укрѣпленія, приказаніе было отдано самымъ положительнымъ образомъ, чтобы кавалерія, бросивъ фуражировку, немедленно двигалась за нами. Впрочемъ, не нужно было и приказаній: вся драма, происходившая въ Истнеу, была предъ глазами. Нѣтъ сомнѣній, что если бы въ ту минуту, когда мы поднялись на бугоръ въ виду неподвижно стоявшаго непріятеля, кавалерія наша явилась изъ-за нашего праваго фланга и снизу вверхъ атаковала горцевъ, то пораженіе было бы страшное, и очень можетъ быть, что орудіе Эски досталось бы намъ въ руки. Къ несчастію, кавалерія опоздала. Пока я посылалъ нарочнаго за нарочнымъ ускорить ея движеніе, непріятель мало по малу началъ стягиваться вверхъ по скату горы. Однакожъ

я отдѣлилъ капитана Романуса, съ тремя ротами, при одномъ орудіи, за балку. Тогда орудіе Эски съѣхало съ дороги и скрылось въ лѣсу.

Когда появилась наша кавалерія, самый выгодный моментъ уже миновался; впрочемъ, работы было еще вдоволь. Подъ командою храбраго подполковника Полякова, всѣ 14 сотенъ понеслись въ атаку. Успѣхъ былъ великолѣпный. Въ одинъ мигъ вся масса непріятеля, покрывавшая покатою горю на протяжении еще двухъ верстъ по направленію къ Умаханъ-юрту, была опрокинута, смята и въ неопisanномъ безпорядкѣ бросилась бѣжать въ гору къ опушкѣ лѣса. Казакъ гнались безпощадно за бѣжавшими, кололи ихъ пиками и рубили. Все пространство устья было трупами. Въ это время, капитанъ Романусъ, съ своею козониною, переправившись чрезъ оврагъ, способствовалъ пораженію горцевъ и, подаваясь понемногу правымъ плечемъ впередъ въ гору, отбѣснилъ весь этотъ флангъ непріятеля отъ его центра вправо. Кавалерія продолжала свое преслѣдованіе версты на три или на четыре отъ Истису и остановилась только у опушки лѣса, куда непріятель наконецъ скрылся.

Когда, такимъ образомъ, довершено было пораженіе лѣваго фланга непріятеля, въ центрѣ, около самаго аула, полковникъ Нейманъ, принявшій тамъ общую команду, окончательно смѣлъ и опрокинулъ горцевъ, которые въ безпорядочныхъ толпахъ спасались по горѣ и по балкамъ въ лѣсъ. Паническій страхъ охватилъ даже тѣ части войскъ Шамиля, которые стояли между Истису и Куринскимъ и совсѣмъ не были въ дѣлѣ: они увлеклись общимъ примѣромъ и бѣжали въ лѣсъ. Когда я возвращался къ аулу, то все пространство хребта, покрытое незадолго предъ тѣмъ огромными полчищами горцевъ, было пусто; лишь кое-гдѣ, въ опушкѣ лѣса, мелькали отсталыя груны, которые также скоро скрылись. Только трупы, покрывавшіе поле сраженія, свидѣтельствовали о страшномъ побоищѣ.

Трудно мнѣ выразить всѣ ощущенія, вознoвавшія насъ послѣ такой побѣды. Всѣ поздравляли другъ друга; жители Истису приняли насъ какъ избавителей. Но болѣе всего испытать я радости при видѣ храбрыхъ молодцовъ нашихъ 11-й роты и начальниковъ ихъ штабсъ-капитана Петровскаго и прапорщика Сенкевича, съ такимъ геройствомъ защищавшихъ редуты. Потери у нихъ была чувствительная, однакожь менѣе,

чѣмъ я ожидалъ. Со скромностію, свойственною кабардинцамъ, они какъ бы не сознавали, что своимъ подвигомъ оказали огромную услугу отечеству.

Было уже темно, когда мы возвратились въ Куринское укрѣпленіе, усталые, но вполне счастливые.

На другой день, баронъ Врангель прибылъ съ своимъ отрядомъ въ Истису. Сначала обманутый ложными свѣдѣніями, онъ узналъ о движеніи Шамиля на кумыкскую плоскость только послѣ полудня 3-го октября. Едва онъ успѣлъ выступить, какъ гулъ дальнихъ выстрѣловъ возвѣстилъ ему о серьезномъ дѣлѣ. Легко представить себѣ мучительное безпокойство барона Врангеля: онъ форсированнымъ маршемъ пришелъ, поздно вечеромъ, въ Умаханъ-юртъ, гдѣ долженъ былъ дать отдыхъ войскамъ, и уже на другое утро получилъ извѣстіе о нашей побѣдѣ.

Шамиль, съ гнѣвомъ и стыдомъ, отступилъ за Мичикъ, гдѣ простоялъ еще около недѣли въ странной нерѣшимости. Онъ чувствовалъ, что нравственное вліяніе его сильно потрясено; еще разъ сдѣлалъ попытку перейти къ наступленію и послалъ сына своего Казы-Магому, съ 3,000 кавалеріи, въ Малую Чечню; но они вскорѣ возвратились безъ всякаго результата. Вездѣ войска наши были въ готовности встрѣтить непріятеля.

11-го октября Шамиль возвратился въ Ведень и распустилъ свой огромный сборъ. Такъ кончился походъ имама. Послѣ того онъ уже не предпринималъ противъ насъ ничего серьезнаго, и весь край вздохнулъ спокойно.

Генералъ-адъютантъ **БАРОНЪ НИКОЛАИ.**

18-го февраля 1865 г.

Тифлисъ.
